

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ

Постиндустриальное хозяйство и "постиндустриальное" общество

(К проблеме социальных тенденций XXI века)

Около тридцати лет назад в западной социологической теории оформилась новая концепция, основатели которой пришли к выводу, что к концу 60-х годов XX столетия общество стало утрачивать многие важные характеристики индустриального строя и приобретать новые признаки, позволяющие, если оценивать их в совокупности, говорить о становлении качественно иного социума. Можно только удивляться тому, сколь быстро такая консервативная наука, как обществоведение, восприняла новую систему взглядов: ведь один из важнейших выводов западной социологии послевоенного периода заключался в том, что "Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, - а представляет собой единую реальность - индустриальную цивилизацию" [Агон, 1968, р. 42]. Буквально за несколько лет парадигма постиндустриализма, создание которой справедливо связывают с именем Д. Белла, была подхвачена представителями самых разных идеологических направлений - от консерватора У. Росту [Rostow, 1971] и умеренного либерала К. Томинага [Tominaga, 1971] до придерживавшегося явно социалистической ориентации А. Турена [Touraine, 1969] и чешского марксиста Р. Рихты [Richta, 1967]. С тех пор понятие "постиндустриальное общество" прочно вошло в инструментарий западной социологии, а в 90-е годы подходы "постиндустриалистов" к изучению динамики общественного прогресса овладели умами и многих российских ученых. Между тем в начале XXI века, когда не только теория постиндустриализма, но и исследуемый ею объект, т.е. само новое общество, прошли значительный путь, настало время оглянуться и задать себе вопрос: вполне ли удачными были исходные понятия теории? Не дезориентирует ли исследователя современных социальных тенденций безоговорочное использование этих понятий?

Постиндустриальное общество как теоретическая конструкция

Термин "постиндустриальное общество", впервые в послевоенной истории использованный Д. Рисменом в 1958 году [Riesman, 1958], восходит к началу века, когда некоторые авторы, сочувствовавшие идеям социализма, рассматривали "постиндустриальное" общество как некую альтернативу буржуазному устройству. Например, А. Кумарасвами и А. Пенти выступали не столько за преодоление индустриальной системы на путях технологического прогресса, сколько за отказ от индустриализации

Иноземцев Владислав Леонидович - доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, заместитель главного редактора журнала "Свободная мысль".

в пользу более примитивных хозяйственных систем [Coomuraswamy, 1914; Penty, 1917, 1922]. Ренессанс этого понятия относится к 60-70-м годам, когда стали очевидны масштабы технологических перемен, и социологи вплотную занялись изучением обусловленных ими общественных процессов.

Выдающийся вклад в определение важнейших характеристик западного общества последней четверти XX века принадлежит Д. Беллу. Он, в частности, всесторонне обосновал обусловленность этих черт новой ролью теоретического знания, превратившегося в главный источник технологических нововведений, переходом от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг, доминированием профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом, а также появлением интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития [Белл, 1999, с. 18]. При этом Белл, по сей день остающийся, на мой взгляд, наиболее тонким и методологически корректным исследователем проблем постиндустриализма, отмечал, что «постиндустриальное общество... является "идеальным типом", построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим "концепциям"». Он подчеркивал, что "понятие постиндустриального общества является *аналитической конструкцией*, а не картиной специфического или конкретного общества" [Белл, с. 655].

Как признают и сам Белл, и его последователи, применение приставки "пост", с одной стороны, неизбежно подчеркивает переходный характер данного общественного состояния [Белл, с. CXLVI], а с другой - свидетельствует об ограниченной возможности теории достаточно полно определить черты будущего с позиций этого "переходного" настоящего [Белл, с. LXXXVI]. Однако логика построения теории постиндустриального общества предполагает наличие общества доиндустриального, и в оценке этого момента Беллом скрыта фундаментальная проблема, которая именно сегодня выходит на первый план.

«Понятие "постиндустриальное", - пишет Белл, - противопоставляется понятиям "доиндустриальное" и "индустриальное"», однако при этом он, будучи, как мы подчеркнули выше, крайне корректным исследователем, не может сконструировать такое противопоставление, отталкиваясь от понятия "постиндустриальное общество". После небольших колебаний он помещает центр этого противопоставления на сугубо хозяйственный уровень и продолжает: "Доиндустриальный сектор является, в основном, *добывающим*, он базируется на сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, рыболовстве, заготовке леса и других ресурсов, вплоть до природного газа или нефти. Индустриальный сектор носит прежде всего *производящий* характер, он использует энергию и машинную технологию для изготовления товаров. Постиндустриальный является *обрабатывающим*, и здесь обмен информацией и знаниями происходит в основном при помощи телекоммуникаций и компьютеров" [Белл, с. CL].

Это положение кажется нам чрезвычайно важным, поскольку из него с очевидностью следует, что основатель теории постиндустриализма не противопоставляет "постиндустриальное общество" индустриальному именно как совокупность общественных институтов; он акцентирует внимание в первую очередь на фундаментальном различии их, как он говорит, "осевых принципов", их внутренней организации. *Вопрос же о том, насколько "постиндустриальное общество", рассматриваемое им как аналитическая конструкция, может быть признано типом социума, реально существующим в новейшей истории*, он оставляет открытым. Более того, критикуя работы, в которых обсуждался вопрос о том, может ли постиндустриальное общество прийти на смену капитализму, Белл указывал, что сама подобная постановка базируется на "ложном противопоставлении двух различных концептуальных схем, организованных по разным осям. *Постиндустриальная схема соответствует социально-технологическому аспекту общества* (курсив мой. - В.И.), капитализм -

его социально-экономическому аспекту" [Белл, с. CXLVI]. Таким образом, широко применяя термин "постиндустриальное общество", классики постиндустриальной теории имели в виду прежде всего формирование новой технологической и хозяйственной системы, приходящей на смену индустриальному типу хозяйства.

Процитированные выше слова Белла, сравнивающего понятия "постиндустриального", "доиндустриального" и "индустриального", дают основания для оценки методологии применения термина "постиндустриальное", к чему бы он ни относился - к обществу, к экономике или к технологическому укладу. Как Белл, так и многие другие авторы - Г. Кан, Ж. Серван-Шрайбер, О. Тоффлер, Й. Масуда, полагали, что история развития цивилизации складывается из трех больших этапов (доиндустриального, индустриального и постиндустриального; аграрного, индустриального и информационного; "первой", "второй" и "третьей" волн). Они разделены между собой переходами, содержание которых может быть квалифицировано как социальные революции [Kahn and others, 1971]. При этом характерно, что ни один из них не исследовал сколь-либо подробно хозяйственные и социальные проблемы доиндустриальных обществ, лишь изредка упоминая в своих работах их отдельные аспекты [Toffler, 1980, p. 17-19]. Труды основных теоретиков постиндустриализма не были в этом отношении прямым продолжением работ представителей "исторической школы", анализировавших реальную историческую динамику экономических систем для определения тех или иных эпох хозяйственного прогресса (замкнутого домашнего хозяйства, городского хозяйства и народного хозяйства, естественного натурального, денежного и кредитного хозяйства или индивидуального, переходного и социального хозяйства [Buecher, 1911; Sombart, 1924]); *выделение "доиндустриального", "индустриального" и "постиндустриального" периодов было своего рода логической инверсией, стремлением найти в истории систему, которую можно было бы противопоставить настоящему и будущему.*

Именно это обстоятельство оказывается наиболее важным при рассмотрении вопроса об адекватности термина "постиндустриальное общество". С одной стороны, мы полностью соглашаемся с теоретиками постиндустриализма в том, что *современная хозяйственная система может быть названа постиндустриальной*, и в этом отношении она логично противопоставлена доиндустриальной и индустриальной хозяйственным системам. С другой стороны, следует вполне однозначно заявить, что *современное общество не может быть названо постиндустриальным* уже потому, что оно не может быть противопоставлено хотя бы одному из двух якобы предшествовавших ему типов социума, и прежде всего - доиндустриальному обществу.

Если обратиться к реальной истории, а не к абстрактно-методологическим рассуждениям об историческом процессе, легко убедиться в том, что индустриальное общество возникло в XVII-XIX веках в ходе так называемой промышленной революции. Относя все предшествующие ему социальные формы к разряду доиндустриальных обществ, мы лишаем себя возможности методологически строго исследовать те их аспекты, которые отличали, например, египетское царство фараонов от арабских халифатов, китайскую империю от древнегреческих полисов, а римскую республику - от феодального общества времен абсолютной монархии. В то время как понятие "доиндустриальная хозяйственная система" имеет вполне реальные характеристики (использование в качестве основного источника энергии жизненных сил человека и животных, отсутствие массового производства, существование монополии господствующего класса на землю, внеэкономическое принуждение к труду, отсутствие развитых товарных отношений и т.д.), то понятие "доиндустриальное общество" остается совершенно неопределенным.

Следует пойти дальше и признать, что логика "триады", позволившая Беллу и его последователям прийти к заключению о существовании "доиндустриального", "индустриального" и "постиндустриального" обществ, неизбежно приводит к парадоксальному выводу. При ближайшем рассмотрении оказывается, что только индустриальный хозяйственный базис предполагает вполне определенные социальные

формы, и ему соответствует в общем и целом лишь один тип общества - капиталистический (будь то мануфактурный капитализм в рамках феодальной монархии, классический капитализм в условиях буржуазной демократии или государственно-бюрократический капитализм, который пытались выдать за первый этап коммунистического общества). Напротив, доиндустриальный хозяйственный базис, само определение которого является негативным определением, дефиницией "от противного", может служить основой для разнообразных форм социальной организации, и поэтому понятие "доиндустриального" общества оказывается абстрактным, не пригодным для сколь-либо конкретного анализа. Таким образом, понятие "постиндустриальное" может быть применено только для описания технологического и хозяйственного базиса современных нам обществ, но при этом оно не определяет их социальной и политической организации; "постиндустриальное общество" остается столь же абстрактной конструкцией, как и доиндустриальное, и способно иметь различные формы своего проявления. Иначе говоря, *на базе постиндустриальной экономики может возникнуть (и возникнет) целый ряд обществ*, каждое из которых должно быть охарактеризовано и соответственно обозначено не только и не столько с точки зрения его технологической организации, но прежде всего исходя из наиболее важных социально-политических отношений, складывающихся внутри этого общества.

Сегодня, через 30 лет после создания основ теории постиндустриального общества, следует, на наш взгляд, отказаться от попыток рассмотрения всех социальных систем, основанных на современных технологиях, как единого типа общества.

Постиндустриальное хозяйство как реальность Две модели современного постиндустриализма

В начале 90-х годов, говоря об основных центрах формирующегося информационного общества, экономисты и социологи обычно называли среди них Соединенные Штаты, Западную Европу и Японию. Десять лет спустя перспективы последней выглядят довольно-таки неопределенно, а различия между США и Европой становятся все заметнее. Именно опыт США и Европейского Союза позволяет нам выдвинуть тезис о двух моделях современного постиндустриализма.

Несмотря на то, что Соединенные Штаты и Европейский Союз в их совокупности часто называют "западным миром", что они объединены в крупнейший в истории военно-политический альянс, проводят во многом согласованную экономическую политику, и, наконец, несмотря на то, что по обе стороны Атлантики общество основывается на схожем технологическом фундаменте, социальное развитие США и ЕС идет отнюдь не одинаковыми путями.

Оценивая существующие между ними различия, следует напомнить: в Европе история становления индустриального общества насчитывает по меньшей мере четыре столетия; в США этот период как минимум вдвое короче. Промышленной революции в Европе предшествовали столетия средневекового строя с его богатой, специфической культурой; в Соединенных Штатах индустриальное общество создавалось "с нуля". Наконец, формирование постиндустриальных тенденций в Европе в значительной мере было воспринято в контексте "антииндустриализма", в то время как в США постиндустриализм не означал ничего, кроме социального порядка, наступающего "после индустриализма". Именно поэтому, на наш взгляд, достижение обоими регионами постиндустриального уровня технологического прогресса в середине 70-х годов имело существенно разные последствия: в США начался экономический подъем, который в 90-е годы вылился в небывалый бум, характеризующийся сверхвысокими темпами роста валового продукта и крайне низкой безработицей; в Европе же темпы экономического развития резко замедлились, а безработица к 1997 году достигла значений, сравнимых лишь с периодом Великой депрессии. Тем не менее мы полагаем, что несмотря на это европейская модель развития намного более "постиндустриальна" по своей сути, нежели американская, и имеет гораздо больше шансов стать доминирующей в наступившем столетии.

Безусловно, США лидируют сегодня как технологическая и экономическая сверхдержава. Их ВВП более чем на 45% создается в сфере научных исследований, образования, в здравоохранении и производстве программного обеспечения. На долю США приходится 36% мировых научных кадров, 44% затрат на научные разработки и 72% мирового рынка информационных услуг. Экспорт патентов и технологий из США превосходит их импорт почти в 8 раз. Около 2/3 новых рабочих мест создаются в сфере "новой экономики", а затраты на образование вдвое превышают военные расходы. Как следствие, за 1992–2000 годы инфляция сократилась с 6,2 до 2,9–3,0% в год, среднегодовые темпы роста составляли 4–5% в год и лишь в 2000 году обнаружили тенденцию к некоторому замедлению, безработица опустилась до минимального за последние тридцать лет значения в 3,9% трудоспособного населения. Стабильно повышаются доходы населения, а фондовый рынок в 1993–1999 годах переживал невиданный бум [Иноземцев, 1999, с. 89–124, 261–276]. В 1998–2000 годах американский бюджет исполнялся с нарастающим профицитом, размер государственного долга оставался стабильным, а доллар устойчиво рос по отношению к большинству других мировых валют.

В то же время после распада Советского Союза США являются единственной политической и военной сверхдержавой. Обладая наиболее боеспособной армией, оснащенной новейшими вооружениями, они обеспечивают около 60% оборонных расходов стран-членов НАТО и могут сегодня эффективно вмешиваться в военные конфликты в любом регионе мира. США имеют широкие возможности играть стабилизирующую роль в самых разных ситуациях: от прямого военного вмешательства (война в Персидском заливе в 1990 году) до инициирования международных санкций (против Ирака, Ливии, Югославии); от участия в политическом урегулировании конфликтов (таких, как палестино-израильский) до экстренной финансовой помощи (Мексике в 1995 году, странам Юго-Восточной Азии в 1997 году). Сегодня большинство американцев солидарно с тем, что "Соединенные Штаты являются единственной страной, способной поддерживать справедливость в отношениях между государствами и народами, действуя при этом не в соответствии со своими узконациональными мотивами, но во имя международного права" [Hardt, Negri, 2000].

Однако внимательный анализ показывает, что в США, *несмотря на то, что их экономика в полной мере является постиндустриальной, перемены в социальной сфере значительно отстают от экономических преобразований*. Характерно, что американцы, никогда не имевшие иных показателей успеха, кроме эффективности производства и размеров прибыли, идут главным образом по пути создания технологий и продуктов, остающихся вполне массовыми и стандартизированными, хотя и имеющих порой мировое значение (унифицированные системы MS-DOS, программы, управляющие поисками в Интернете, наиболее передовые технологии в информатике, биоинженерии и т.д.). Постиндустриальная экономика США во многих отношениях как бы срослась с индустриальной идеологией, и следует признать, что успехи постиндустриального хозяйства Америки достигаются во многом теми же методами, которые вывели ее в авангард социально-экономического прогресса в эпоху индустриализма.

На этом фоне страны ЕС с их низкими темпами роста, высокой безработицей, а в последние годы и с "пикирующим" евро с формальной точки зрения выглядят менее успешными в технологическом и хозяйственном аспектах. Но статистика свидетельствует, что рост ВВП в большинстве стран Старого Света на протяжении мирных лет XX века в среднем опережал американские показатели. В 1960–1973 годах ВВП стран ЕС рос со средним темпом 4,8% в год против 3,4% в США; в 1974–1992 годах соответствующие цифры составляли 2,8 и 1,9%. В середине 90-х годов производительность в Великобритании поднялась до 82% американского уровня, в Италии - до 85, в Германии - до 95, а во Франции - до 102%; в эти же годы ЕС достиг паритета с США по размерам совокупного валового продукта (8,74 трлн долл. вместе со странами, подавшими заявки на участие, против 8,51 трлн долл. в США); при этом

европейские страны обеспечивают сегодня 39,9% мирового экспорта, тогда как США - не более 16,5%. Европейские компании становятся все более агрессивными на мировых рынках; в последние десять лет ЕС на 26% превзошел США по размерам иностранных инвестиций, а 14 из 20 крупнейших поглощений и слияний транснациональных компаний в 1998-2000 годах были инициированы европейскими корпорациями [Иноземцев, Кузнецова, 2001]. Таким образом, технологический и хозяйственный базис американского и европейского постиндустриализма - это явления одного и того же масштаба и одинаковой природы.

Однако время делает все более выпуклыми некоторые важные особенности Западной Европы как постиндустриального региона, и эти особенности могут, как мы полагаем, еще сильнее развести векторы постиндустриального развития в Старом и Новом Свете, а также определить в будущем и динамику этого развития. Это обусловлено той ролью, которую играют в жизни европейцев культурные ценности и постматериалистические, надутилитарные мотивы деятельности, а также выигрышным, по сравнению с американским, позиционированием на мировой арене.

Прежде чем охарактеризовать эти отличия, необходимо сделать важное предварительное замечание. Дело в том, что в литературе нам не удалось найти надежных социометрических данных, которые помогли бы всесторонне обосновать эти характеристики. Поэтому они получены как результат, с одной стороны, осмысления публикаций, косвенным образом проливающих свет на интересующие нас отличия, с другой - личных впечатлений от жизни в Америке и Европе, от общения с западными коллегами.

Итак, в отличие от США, в Европе, где успехи постиндустриального хозяйства и рост благосостояния населения привели к гораздо более глубоким изменениям в мотивах деятельности, стимулы индустриальной эпохи в большей степени стали утрачивать свою актуальность. В новых условиях европейцы стремятся повышать не *уровень*, а *качество* жизни, в значительной мере определяемое субъективно и вряд ли исчисляемое количественно. Увеличение доли свободного времени давно стало в постиндустриальном мире более сильным мотивационным фактором, чем повышение денежных доходов, но самореализация в потреблении достигла в Европе своих наиболее развитых форм. Сегодня *культура, воспринявшая все достижения информатики, становится все более значимой отраслью европейской экономики*, и в этом отношении страны ЕС гораздо более "постиндустриальны", чем США. Франция, Италия, Швейцария и другие европейские страны доминируют в развитии туризма, высокой моды, в производстве предметов роскоши и уникальных сельскохозяйственных продуктов. Если в США большинство гигантских состояний сделаны на развитии и реализации новых технологий, *постиндустриальных более в технологическом, чем в социальном аспекте* (всем известны успехи Microsoft, Cisco, Intel, Oracle, Amazon.com и т.д.), то в десятку наиболее богатых людей Европы входят владельцы L'Oreal, LVMH, Redoute, Luxottica, Hermes, представляющие тот сектор экономики, в котором создаются уникальные и невозпроизводимые, *постиндустриальные прежде всего в социальном аспекте, т.е. по своей сути* блага и услуги, производство которых, разумеется, невозможно вне современных технологий.

Вряд ли можно отрицать и тот факт, что на европейском континенте получили наиболее широкое и, если так можно выразиться, гармоничное распространение *истинно постиндустриальные ценности*. Сегодня европейцы более ориентированы на саморазвитие, и, как это ни парадоксально, при более высоком значении ВВП на душу населения *качество жизни в США вряд ли превосходит европейские показатели*. Следует вспомнить, что 40% американцев больны ожирением (против 6% в ЕС), 78% не выезжали за пределы своей страны (против 12% в ЕС), а 95% не владеют ни одним иностранным языком (против 31% в ЕС), чтобы оценить масштаб отличий в образе жизни европейцев и американцев. Сегодня в Европе искусство жить (*l'art de vivre*) сменяет по значимости искусство работать, а общественно признанным является

прежде всего не положение успешного предпринимателя, а статус человека, способного увлечь других своими действиями или идеями, своего рода властителя дум (*la maitre d'esprit*); важнейшей проблемой становится не трудоустройство граждан, а формирование в них стимула к продуктивной деятельности; европейские общества являются в большей мере обществами досуга, чем безработицы, а это представляется нам пусть и не однозначно позитивной или негативной, но очевидной чертой постиндустриального социума.

Что касается международных отношений, ЕС не претендует на роль вершителя судеб современного мира; его военные расходы низки, влияние на мировые события ограничено, а антипатия к Европе во всем мире совсем не так значительна, как к США. Народы Европы тесно связаны культурной традицией, и основное направление экспансии ЕС сегодня - расширение на Восток, где граждане посткоммунистических стран также являются европейцами по культуре, религии и менталитету. В перспективе ЕС получит приток дешевой рабочей силы, легко инкорпорируемой в основную массу его граждан, тогда как американская культура, скорее всего, под воздействием иммиграции из Латинской Америки и Азии уступит место расовому и этническому мультикультурализму, нередко называемому в социологической литературе "новым трибализмом". При этом общеевропейская культура не выступает альтернативой национальным или региональным культурам, подобно тому как американская культура вольно или невольно оказывается альтернативой родным культурам иммигрантов, живущих в США, и это становится дополнительным фактором, позволяющим надеяться на более "мягкое" становление новой социальной реальности именно в Европе..

Более того, формирование Европейского Союза дает пример внушающего оптимизм процесса межгосударственного объединения, подтверждающего возможность постепенной, эволюционной экспансии постиндустриального мира. В то время как США тешат себя ростом своего влияния в мире, увеличивая программы помощи государствам, которые они фактически не в состоянии эффективно контролировать, ЕС показывает примеры реального обмена суверенитета входящих в него стран на приобщенность к постиндустриальному миру, что, на наш взгляд, является прообразом адекватной вызовам XXI века политической доктрины, имеющей шансы стать общепризнанной.

Возвращаясь к основной теме нашего исследования, мы хотели бы отметить, что сегодня социальные системы европейских стран и США могут рассматриваться как *две альтернативные модели общества, возникающего на фундаменте информационного типа хозяйства*. Американская модель более экстравертна, европейская более интравертна; первая пока еще выглядит более эффективной, но глубинные основы второй в гораздо большей мере адекватны фундаментальным принципам постиндустриализма. Мы полагаем, что по мере преодоления прежних, индустриалистских, черт различия между этими моделями будут скорее нарастать, нежели преодолеваться, и в результате «на протяжении ближайших двух десятилетий "центр тяжести" мировой экономики сместится из Северной Америки и вернется туда, где он и зародился, - в Европу» [Montezemolo, 2000, p. 4], сместится потому, что постиндустриальное общество не знает и не признает иных движущих сил, кроме вызванных к жизни имманентными ему тенденциями.

Постиндустриальное хозяйство внутри и вне "постиндустриальных" обществ

Однако важнейшей проблемой постиндустриального мира в новом столетии окажется, разумеется, не борьба европейской и американской моделей постиндустриализма. Гораздо более острым станет противостояние постиндустриального сектора и индустриальных, а зачастую и доиндустриальных, хозяйственных структур. Переходя к рассмотрению этого вопроса, также необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

Сегодня становится очевидным, что, в отличие от доиндустриальных и индустриальной экономических систем, постиндустриальная экономика, с одной стороны, *не определяет в полной мере структуру социального целого* и, с другой стороны, *экстерриториальна*. При этом если для первого обстоятельства могут быть найдены исторические аналогии, то второе вполне уникально. Поясним данный тезис.

Традиционно принято считать, что экономический базис определяет тот или иной тип общества. В случае, когда тиран обладает абсолютной властью, почитается как бог и является собственником всего, что существует в его владениях, имеет место так называемый "азиатский" способ производства. Если земля принадлежит собственникам, зависимым от верховного суверена, а землепользователи обладают личной свободой, налицо феодальная система. В условиях, когда все граждане юридически равноправны и свободны, большая часть общественного богатства создается в промышленности, а средства производства принадлежат буржуа на правах частной собственности, мы имеем дело с капитализмом. При этом в любом из перечисленных случаев *социальная система достигает своей развитой формы, когда она определяет практически все стороны жизни общества*. Исключения, да и то с известной долей условности, можно найти в переходные эпохи (например, развитие буржуазного хозяйства в феодальном обществе), но и в этом случае заметна тенденция доминирования нового уклада над всем обществом. Причина такого положения вещей очевидна: каждый из известных истории типов хозяйства предполагал разобщенность основного лимитирующего фактора производства (земли или капитала) и труда; их соединение порождало отношение, которое неизбежно определяло все остальные аспекты социальной организации.

В отличие от доиндустриальной или индустриальной экономик, для постиндустриального хозяйства характерен качественно новый лимитирующий фактор производства. Иногда в качестве такового называют информацию, но эта точка зрения ошибочна. *Информация не может быть признана фактором, схожим по своим свойствам с землей и капиталом* - важнейшими производственными ресурсами доиндустриальной и индустриальной эпох. Земля и капитал противостоят труду, т.е. деятельности, как *объективные* факторы. Вступая в процесс производства, они взаимодействуют с деятельностью, а по окончании его сохраняют свою вещную форму. Напротив, информация *не может быть применена, не будучи осознана*; таким образом, чтобы вступить в процесс производства, она должна утратить свою объективированную форму и принять форму *субъективную*, превратиться из *информации* в *знания*. Таким образом, *основной фактор современного производства*, в отличие от прежних социальных форм, *оказывается неотделимым от его субъекта*, и по завершении производственного процесса новые знания, полученные работником, становятся его неотъемлемым достоянием, а не возвращаются к собственнику исходной информации.

В результате *собственники знаний становятся de facto основным производительным классом в постиндустриальной экономике*. Этот класс, однако, сам производит готовый продукт и не требует эксплуатации других классов, как это происходило, например, в условиях капиталистического строя. Тем самым постиндустриальный сектор возникает в условиях индустриальной экономики точно так же, как индустриальный появился в преимущественно аграрном хозяйстве; но если индустриальный сектор стремился подчинить себе все общество, то постиндустриальный обнаруживает, скорее, тенденцию к самоизоляции. Таким образом, если при переходе от доиндустриальной экономики к индустриальной рождалась новая *комплексная модель*, то сегодня возникает хозяйственная система, *дуалистичная по своей природе*. Прежде предназначением низшего класса было служить представителям высшего, и низший класс выступал в качестве *угнетенного*; сегодня же ему остается лишь наблюдать за успехами интеллектуалов, и поэтому низший класс выступает в качестве не эксплуатируемого, а *отчужденного класса*.

В рамках постиндустриального хозяйства возникает уникальная ситуация, когда

представители доминирующего класса впервые в истории обладают всеми правами на присваиваемые ими блага, а столетиями присущее человечеству стремление к *равенству* оказывается противоречащим стремлениям к *свободе* и *справедливости*. Разумеется, помимо чисто методологических казусов новая реальность порождает также и более серьезные социальные проблемы, связанные в первую очередь с нарастающими диспропорциями в распределении общественного богатства.

Период, начавшийся в середине 70-х годов (а именно эти годы большинство исследователей считает временем становления постиндустриальных тенденций), ознаменовался резким ростом доходов представителей "класса интеллектуалов". Создавая уникальный продукт, служащий залогом хозяйственного прогресса и исключительно высоко оценивающийся в условиях рыночной экономики, работники информационного сектора обеспечили себе высочайший уровень благосостояния. К середине 90-х годов более 80% американцев, обладавших состоянием, превышавшим 1 млн долл., достигли подобного результата сами, а не получили его по наследству. К концу 1998 года среди 20 наиболее богатых американцев 16 представляли корпорации, возникшие на протяжении последних 20 лет. Из одного процента самых богатых граждан США в 1999 году лишь каждый двадцать пятый жил на проценты с вложенного капитала, тогда как остальные работали на постах менеджеров крупных компаний, в юриспруденции, образовании или здравоохранении.

Как следствие, наметилась растущая имущественная поляризация общества. Если на протяжении 1929-1973 годов доля одного процента наиболее состоятельных семей в общем богатстве страны снизилась в США с 30 до 18%, в Великобритании - с 60 до 29%, в Швеции - с 49 до 26%, то в последующем тенденция изменилась, и в 1998 году индикатор неравенства вновь вернулся в США к отметке в 29%. Характерно, что основным фактором роста материального неравенства большинство исследователей признает различия в образовательном и интеллектуальном потенциале граждан западных стран, что вполне подтверждается и статистическими данными. Так, на протяжении 80-х годов в США средняя почасовая заработная плата работников с докторской степенью *выросла* вдвое, выпускников вузов - на 13%, тогда как доходы закончивших школу — *упали* на 14%, а для имевших неполное среднее образование - на 18%. Данная тенденция столь ярко была выражена в 90-е годы, что известный социолог Ф. Фукуяма счел возможным утверждать, что "существующие в Соединенных Штатах классовые различия объясняются главным образом разницей в полученном образовании" [Fukuyama, 1992, p. 116].

В результате на рубеже веков в постиндустриальных странах формируется специфическая классовая структура, где "класс интеллектуалов", составляющий меньшинство населения, противопоставит "отчужденному классу", который в западной литературе в последние годы все чаще стали называть "низшим классом (*underclass*)". Такое положение дел представляется более взрывоопасным, нежели противостояние буржуазии и рабочего класса, поскольку в нынешних условиях, во-первых, между классами отсутствует позитивное взаимодействие, они до известной степени попросту не нужны друг другу, во-вторых, представители отчужденного класса, в отличие от пролетариев, не имеют формальных прав претендовать на большую часть общественного достояния, и, таким образом, не могут существенно улучшить свое материальное положение, и, в-третьих, образование и интеллектуальные способности не могут быть обреты столь же легко, как деньги, и, следовательно, наследственная принадлежность к нынешнему "низшему классу" гораздо более жестка, чем принадлежность к пролетариату¹.

Существенное отличие постиндустриальной и индустриальной хозяйственных систем проявляется также и на мотивационном уровне. В условиях буржуазного общества представители как господствующего, так и эксплуатируемого классов стремились к

---

¹ Противостояние "класса интеллектуалов" и "низшего класса" подробно рассмотрено нами в цикле статей в журнале "Социологические исследования" [Иноземцев, 2000].

максимизации присвоения материальных благ, и, таким образом, имело место столкновение равнопорядковых интересов. Сегодня же *новый господствующий класс, присваивающий все большую часть общественного достояния, обладает при этом ярко выраженной постматериалистической мотивацией, тогда как у низшего класса, получающего все меньшую часть национального богатства, нет целей, отличных от повышения своего материального благополучия.* Таким образом, сталкиваются силы, не имеющие однородных, однопорядковых интересов, и это приводит в зреющий социальный конфликт новое, неизвестное социологии качество. Такой конфликт может оказаться более опасным, чем классовые столкновения прежних эпох.

Однако помимо формирования острых внутренних противоречий, развитие постиндустриального хозяйства сталкивается и с противоречиями внешними. *Не только в рамках отдельных стран, но и в планетарном масштабе постиндустриальная хозяйственная система является фрагментированной.* Постиндустриальное производство существует далеко за пределами постиндустриальных регионов - ЕС и США, - однако его распространение не означает формирования постиндустриальных социальных институтов в странах периферии. И действительно, трудно было бы ожидать, что распространение постиндустриального хозяйства во внешний мир могло бы породить в нем постиндустриальные регионы, в то время как постиндустриальный уклад становится все более обособленным в самих развитых странах.

События последних лет показывают, что постиндустриальный мир заинтересован в появлении своего рода анклавов постиндустриального хозяйства вне своих традиционных географических пределов. Формирование высокоразвитых экономик в Юго-Восточной Азии, перенесение отдельных производств в Латинскую Америку, Северную Африку, Индию или государства бывшего СССР - все это крайне необходимо США и ЕС, в первую очередь - для получения дополнительной прибыли, а также, согласно декларациям сторонников глобализации, для того, чтобы *формировать в периферийных странах социальные слои, восприимчивые к культурным ценностям и технологическим достижениям западного мира.* Между тем нигде в мире подобный тип развития не привел пока и вряд ли приведет в будущем к формированию способной развиваться на собственной основе постиндустриальной экономики. Главными причинами подобного положения вещей являются, во-первых, ограниченность рынков развивающихся стран и невозможность формирования в них того высокообеспеченного "среднего класса", который восприимчив к постиндустриальным тенденциям; во-вторых, значительная миграция потенциальных членов "класса интеллектуалов" из "третьего" мира в "первый" и, наконец, в-третьих, беспрецедентная финансовая и технологическая зависимость развивающихся стран от постиндустриального мира.

Практика показывает, что разрыв в экономическом и социальном развитии "первого" и "третьего" миров особенно быстрыми темпами нарастает на протяжении тех 30 лет, которые прошли под знаком прогресса постиндустриализма и ознаменовались не менее радикальным ростом неравенства в самих развитых странах. При этом природа нынешнего международного неравенства в большей степени похожа на характер неравенства внутри постиндустриальных регионов, чем на неравенство, существовавшее в XIX веке между метрополиями и колониальной периферией. Не перегружая читателя цитатами и статистикой [Иноземцев, 1999], отметим лишь, что на рубеже веков западный мир так же не нуждается в странах периферии, как "класс интеллектуалов" - в "низшем классе", в то время как сами развивающиеся страны крайне зависимы от постиндустриальной цивилизации. Природа углубляющейся пропасти между "первым" и "третьим" мирами обусловлена тем, что развивающиеся страны производят в основном сырьевые товары и стандартизированную промышленную продукцию, для изготовления каждой новой единицы которой они всякий раз должны затрачивать то же количество материалов и труда, что и для производства

предшествующей. В такой ситуации экономический рост возможен лишь при высокой норме накопления и ограничениях текущего потребления, что противоречит развитию личности. Напротив, постиндустриальные страны, производящие и экспортирующие информацию и знания, могут реализовывать их в сколь угодно больших масштабах, не затрачивая на это возрастающего количества труда и материалов. Экономический рост в постиндустриальном мире происходит не вопреки, а за счет роста личного потребления, так как последнее лишь увеличивает интеллектуальный капитал, являющийся основным достоянием этого мира.

При этом в современных условиях нельзя говорить об эксплуатации "третьего" мира в том же смысле, как это понималось в индустриальную эпоху. Торговый обмен между постиндустриальными и развивающимися странами вполне подчиняется рыночным закономерностям. Продавая по высоким ценам свои технологии и компьютерные программы, обновляющиеся с немыслимой быстротой, постиндустриальные страны продают не объективную ценность, а средства доступа на собственные рынки, возможность создания совместимых с их собственными информационных систем и т.д. Сегодня цена технологий на мировом рынке - это аналог цены образования внутри каждой отдельной страны; обе они высоки, в обоих случаях никто не принуждает ту или иную страну или того или иного человека платить их, но при этом ни в том, ни в другом случае, не заплатив эту цену, нельзя надеяться на входжение в ограниченный круг интеллектуальной и технологической элиты.

Проблемы, возникающие при дальнейшем развитии вполне очевидных сегодня тенденций, обусловлены прежде всего наметившимся в последние десятилетия "замыканием" постиндустриального мира, вполне похожим на "замыкание" правящего класса развитых обществ. Сегодня американский экспорт не превышает 6% ВВП, тогда как для Великобритании в 1840 (!) году этот показатель был втрое выше. Если в 1953 году развитые государства направляли в страны того же уровня развития 38% общего объема своего экспорта, в 1963-м эта цифра составляла уже 49%, в 1973-м - 54%, а в 1990-м - 76% [Krugman, 1994]. Во второй половине 90-х годов только 5% торговых потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одной из 29 стран-членов ОЭСР, выходят вовне этой совокупности стран [Elliott, Atkinson, 1998, p. 226], а развитые постиндустриальные державы импортируют из развивающихся индустриальных стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% своего суммарного ВВП [Krugman, 1995, p. 117]. В то же время более 90% всех иностранных инвестиций в США осуществляется компаниями семи стран - Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов, - которые в то же время выступают реципиентами более 60% всех американских капиталовложений за рубежом [Encarnation, 1992, p. 145]. На долю Японии и новых индустриальных стран Азии приходится менее 8%, а Мексики - около 3% общего объема прямых американских инвестиций [Burtless and others, 1998, p. 36, 39, 85, 86].

Таким образом, все приведенные факты свидетельствуют, что процессы, обычно именуемые глобализацией, с одной стороны, вполне объективны, так как они заданы поступательным развитием западного мира и служат его потребностям, но в то же время, с другой стороны, они не создают подлинно единого мира, так как не формируют комплексных постиндустриальных систем за пределами постиндустриальных регионов а, напротив, все более последовательно замыкаются в территориальных границах атлантической цивилизации.

Может ли в XXI веке на основе все расширяющегося разрыва возникнуть конфликт между "первым" и "третьим" мирами, подобный национальным движениям угнетенных стран в 50-е и 60-е годы? На наш взгляд, такое развитие событий крайне маловероятно. Мы не акцентировали бы внимание и на таких часто обсуждающихся проблемах, как активизация экстремистских движений или рост влияния международных террористических организаций. Основные проблемы в новом столетии, как мы полагаем, будут лежать в иной плоскости. Как в самих постиндустриальных странах наиболее опасным негативным явлением оказывается деградация "низших"

классов и вытекающие отсюда проблемы, не имеющие очевидных решений, так и в международном масштабе главная опасность, исходящая из "третьего" мира, состоит в неконтролируемой детериорации социальной и природной среды в странах периферии. Гражданские войны, эпидемии, уничтожение лесов, расширение пустынь, масштабные загрязнения окружающей среды вредными выбросами - все эти проблемы неизбежно затронут и западные страны, так как по самой своей природе имеют глобальный, планетарный характер. Поэтому *в наступающем столетии задачей постиндустриальных сегментов национальных экономик и мировой экономики в целом должно стать выживание в деградирующей социальной среде внутри собственных стран и открыто враждебной среде в мировом масштабе.*

* * *

Подведем некоторые итоги. На наш взгляд, методологически неверно говорить о становлении в западных странах "постиндустриального" общества. Само это понятие - абстракция очень высокого порядка, и уже сегодня реальная жизнь предъявляет исследователю *различные типы обществ, формирующихся на основе постиндустриального хозяйственного уклада*; модификации этих обществ могут, по-видимому, быть весьма разнообразными, а конкретные их формы наука вряд ли в состоянии определить с позиций настоящего времени. Сегодня можно лишь уверенно утверждать, что *основой для перехода к обществам постиндустриального типа являются не столько новые технологии или знания* (это, выражаясь математическим языком, необходимое условие), *сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации* (достаточное условие), каковая одна только и позволяет определить деятельность постиндустриального типа по Беллу - как "игру между людьми". По состоянию на сей день следует также констатировать *крайне медленное распространение постиндустриальных тенденций* - как внутри отдельных развитых стран, так и в мире в целом. Причина этого связана с уникальным свойством хозяйства постиндустриального типа, достигнув определенного уровня, развиваться дальше, не преобразуя при этом всего общественного организма, а формируя относительно нейтральный в экономическом и социальном отношении сектор, во все меньшей мере стремящийся к взаимодействию с остальными элементами общественного целого или остальными регионами планеты. Поэтому, определяя основные социальные проблемы XXI века, мы считали бы возможным отметить, что большинство из них неизбежно будет связано с инкорпорированием постиндустриальной экономики в общество, которое ни в рамках развитых наций, ни, тем более, в планетарном масштабе не стало еще постиндустриальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Иноземце^в В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999.

Иноземцев В. Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.

Иноземцев В. Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. № 8.

Иноземцев В., Кузнецова Е. Социодинамика хозяйственных систем в XX столетии // Свободная мысль. 2001. № 1.

Aron R. 28 Lectures on Industrial Society. London, 1968.

Butcher K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tuebingen, 1911.

Burtless G., Lawrence R.Z., Limn R.E., Shapiro R.J. Globophobia. Confronting Fears about Open Trade. Washington, 1998.

- Coomaraswamy A.* (ed.). *Essays in Post-Industrialism: A Symposium of Prophecy Concerning the Future of Society*. London, 1914.
- Elliott L, Atkinson D.* *The Age of Insecurity*. London, 1998.
- Encarnation D.J.* *Rivals Beyond Trade. America versus Japan in Global Competition*. Ithaca-London, 1992.
- Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man*. London-New York, 1992.
- Hardt M., Negri A.* *Empire*. Cambridge (Mass.)-London, 2000. P. 180.
- Kahn H., Brown W., Martell L.* *The Next 200 Years. A Scenario for America and the World*. New York, 1971.
- Krugman P.* *Peddling Prosperity. Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminishing Expectations*. New York-London, 1994.
- Krugman P.* *Does Third World Growth Hurt First World Prosperity? // Ohmae K. (ed.) The Evolving Global Economy. Making Sense of the New World Order*. Boston, 1995.
- Montezemolo G.* *Europe Incorporated: A New Challenge*. London, 2000.
- Penty A.* *Old Worlds for New: A Study of Post-Industrial State*. London, 1917.
- Penty A.* *Post-Industrialism*. London, 1922.
- Richta R. (ed.)*. *Civilization at the Cross-Roads*. Sydney, 1967.
- Riesman D.* *Leisure and Work in Post-Industrial Society // Larrabee E., Meyersohn R. (eds.)*. *Mass Leisure*. Glencoe (Ill.), 1958.
- Rostow W.W.* *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge, 1971.
- Sombart W.* *Der moderne Kapitalismus*. München-Leipzig, 1924.
- Toffler Al.* *The Third Wave*. New York, 1980.
- Tominaga K.* *Post-Industrial Society and Cultural Diversity // Survey*. 1971. Vol. 16. № 1.
- Touraine A.* *La société postindustrielle*. Paris, 1969.